О МАНДЕЛЬШТАМЕ, МАРИИ ПЕТРОВЫХ И РАКОВИНЕ В ВИДЕ ПЕПЕЛЬНИЦЫ

В чем ошиблась Эмма Герштейн?

Ольга Фигурнова

13-14 февраля 1934 г. Осип Мандельштам пишет стихотворение "Мастерица виноватых взоров...", обращенное к Марии Сергеевне Петровых, которое Ахматова впоследствии назвала "лучшим стихотворением XX века", а сам Мандельштам сразу причислил к "изменническим" стихам, не имеющим права на публикацию при его жизни - "мы не трубадуры". Надежда Яковлевна вспоминала: "Он уже не мог писать стихи другой женщине при мне, как в 1925 г. (Ольге Ваксель. - О.Ф.) (Стихи Петровых написаны в несколько дней, когда я лежала на исследовании в больнице...)". И далее "у него было острое чувство измены, и он мучался, когда появлялось изменническое, как он говорил стихотворение... По-моему, сам факт измены значил для него гораздо меньше, чем "изменнические" стихи". Долгие годы, уже после гибели поэта, Мария Петровых считала, что автограф адресованного ей стихотворения "Мастерица" утрачен; в мандельштамовских сборниках текст его воспроизводился по спискам Надежды Яковлевны. Известно, что Мандельштам "работал с голоса", то есть, как пишет Наталья Штемпель, "создавал стихи на слух, а потом диктовал их Надежде Яковлевне". Он говорил: "Стихи, записанные Надей, могут идти в порядке рукописи". Но с "изменническими" стихами все было иначе. "Оригинал" их мог быть записан только рукой самого Мандельштама. В 1979 г. после смерти Петровых ее первый муж, П.А. Грандицкий, передал хранившуюся у него часть архива Арине Витальевне Головачевой, дочери Марии Сергеевны. В папке с ранними стихами Петровых лежала мандельштамовская рукопись "Мастерицы". В сравнении со списками Надежды Яковлевны она имела несколько разночтений. Одно из них кажется нам наиболее существенным: в строке 21 вместо слов "Ты, Мария, - гибнущим подмога" было написано: "Наша нежность - гибнущим подмога". В ночь с 13 на 14 мая 1934 года Мандельштам был арестован органами НКВД и препровожден на Лубянку. Ему инкриминировалось написание террористических стихов. На одном из допросов Мандельштаму был показан первый вариант: "Мы живем, под собою не чуя страны, / Наши речи за десять шагов не слышны. / Только слышно кремлевского горца - / Душегуба и мужикоборца". Мандельштам ознакомил следователя со вторым: "Мы живем, под собою не чуя страны, / Наши речи за десять шагов не слышны, / А где хватит на полразговорца, / Там припомнят кремлевского горца". Среди людей, слышавших это стихотворение, Мандельштам назвал Марию Петровых. На тюремном свидании с женой он "перечислил имена людей, фигурирующих в следствии" (то есть названных им в числе слушателей), чтобы Надежда Яковлевна "могла всех предупредить". Дальнейшее хорошо известно. До конца жизни Надежда Яковлевна была убеждена, что единственным человеком записавшим это стихотворение с голоса Мандельштама, была Мария Петровых. Так же твердо она была убеждена в том, что "судя по всей жизни, этот человек вне подозрения". Наша беседа с Ариной Витальевной Головачевой касалась преимущественно событий 1934 г. - времени и атмосферы создания "Мастерицы", Арина Витальевна рассказывала об этом так, как запомнила со слов матери - Марии Петровых.

- АРИНА Витальевна, в ходе работы над своими мемуарами Эмма Григорьевна Герштейн консультировалась с вами? Я имею в виду главы "Конфликты - большие и малые", "Маруся", "Развязка надвигается", "Игра в смерть"...

- Дело в том, что книгу Эммы Григорьевны я не читала - из чувства самосохранения, равно как и предваряющие книгу статьи. Мне было достаточно того немногого, что мне пересказали. Когда Эмма Григорьевна готовила этот материал, она как-то позвонила мне и сказала, что пишет книгу о том времени и что ей очень важно дезавуировать многое из книг Надежды Яковлевны Мандельштам. В этом разговоре она вспоминала маму тех времен и, разумеется, очень по-доброму. Она просила меня уточнить, кое-что из того, что я помню по рассказам мамы. Мы анализировали варианты стихотворения "Мастерица виноватых взоров..." - "официальный" вариант и тот, что хранится у меня. В этих текстах имеются расхождения. В частности, слова "Ты, Мария,..." в официальном варианте, относительно которых мама не сомневалась, что они были вставлены Надеждой Яковлевной. Мама говорила: "Мандельштам - поэт до мозга костей, он никогда не мог бы так написать" (то есть столь непоэтично, прямолинейно и банально). Но, к сожалению, рукописи стихотворения у мамы тогда не было, и она считала, что рукопись безвозвратно исчезла в 1942 году, когда сгорел дом в Сокольниках, в котором мы жили перед войной. После маминой кончины в 1979 г. ее первый муж, П.А. Грандицкий, передал мне папку с мамиными рукописями, где были ее ранние стихи, и в этой же папке была рукопись "Мастерицы". Вместо "Ты, Мария, ..." там было написано "Наша нежность...". Эмма Григорьевна была абсолютно согласна со мной, что "наша нежность" - это не нежность двух конкретных людей, а человеческая нежность вообще - подмога гибнущим. И автор молит об этой подмоге.

Когда в конце 80-х годов готовился к печати двухтомник Мандельштама, мне позвонил Павел Нерлер с просьбой прислать фотокопию этой рукописи. По утверждению Нерлера, слова "Ты, Мария, ..." он видел не написанными рукой Мандельштама, а вписанными рукой Надежды Яковлевны вместо пропуска, сделанного, кажется, в машинописном варианте. Возможно, сам Осип Эмильевич, восстанавливая по памяти текст этого стихотворения, вспомнил не все и поставил многоточие, надеясь вспомнить впоследствии.

Что касается статьи Поляковой (С.В. Полякова. Осип Мандельштам: наблюдения, интерпретации, заметки к комментарию // "Олейников и об Олейникове" и другие работы по русской литературе. СПб, 1997), посвященной этому стихотворению, то маму очень задела предложенная ею трактовка (рукопись статьи была прислана Марии Петровых автором) - что-то изощренно эротичное... Мама же воспринимала Мандельштама глубоким стариком и никак не могла отвечать на его влюбленность. Впрочем, я думаю, что и Осипу Эмильевичу не столько нужны были любовные отношения, сколько необходимо было кем-то восхищаться. Мама считала, что на самом деле он всю жизнь любил только Надежду Яковлевну.

- Арина Витальевна, давайте вернемся к мемуарам Герштейн. В частности, в них Эмма Григорьевна говорит вполне утвердительно (ссылаясь на устные свидетельства Надежды Яковлевны Мандельштам и Елизаветы Яковлевны Эфрон), что перед первым арестом Мандельштама Мария Сергеевна (после прочтения ей Осипом Эмильевичем "Горца") была в таком состоянии, что могла пойти к следователю... Чувствуя себя Раскольниковым, "с трудом удерживающимся, чтобы не броситься в объятия Порфирия Петровича". Цитирую дословно. Это было?

- У меня просто нет слов, такого просто не могло быть! Этого мне никто не решился пересказывать. Убеждена, что ни Надежда Яковлевна, ни Елизавета Яковлевна Эфрон ничего подобного не говорили. В противном случае, такое свидетельство появилось бы в воспоминаниях Надежды Яковлевны. Она только указывала маму в числе людей, которые

записывали текст стихотворения. Но мама текста не записывала. Она запомнила стихотворение с голоса, один раз и на всю жизнь, он прочел ей его чуть ли не шепотом.

- То есть текст ее рукой не был записан.

- Не был. Ну, во-первых, тогда записывать боялись, боялись держать у себя написанное. Во-вторых, мама была молодая, память на стихи была прекрасная, именно на стихотворный текст. Я в свое время тоже запомнила это стихотворение с маминого голоса. Когда вышла вот эта часть "Воспоминаний" Надежды Яковлевны, мы с мамой их тогда обсуждали, и она говорила: "Не только я не записывала, это вообще было бы дико записывать".

- В записях Герштейн подобной категоричности нет, она пишет, что Мандельштаму показалось, будто у следователя был экземпляр антисталинского стихотворения, записанный рукой Марии Сергеевны.

- Тут я ничего не могу сказать - ему могло показаться, или Надежда Яковлевна неверно передала его слова, или Эмма Григорьевна неверно передала слова Надежды Яковлевны. Мне известно только, что Осип Эмильевич на допросе назвал маму в числе тех, кто якобы записывал текст стихотворения. И мама прекрасно понимала, чем это может грозить ей самой. Узнав о показаниях Мандельштама, Пастернак встретился с мамой и смотрел на нее, как на человека, который...

- ...обречен.

- Да, как смотрят на человека в последний раз. По словам маминой сестры, Екатерины Сергеевны, Осип Эмильевич назвал в этом списке маму, так как надеялся оказаться вместе с ней в ссылке. Источником этих сведений, по словам Екатерины Сергеевны, тоже была Надежда Яковлевна.

- Но она об этом не написала.

- Я бы на ее месте тоже не написала. Но, как мне кажется, если это действительно было, она говорила об этом... ну, как о какой-то...

- ...бредовой идее.

-...да, бредовой идее любимого человека, находящегося в экстремальной ситуации. Мама очень ценила его поэзию, она считала, что Мандельштам - это просто воплощенная поэзия, но он всегда был очень далек от реальности.

- Герштейн ссылается на ваш рассказ со слов Марии Сергеевны о приходе к ней Ахматовой. Помните: "Зачем вам этот мальчик?". Это - о Льве Гумилеве. Вы что-нибудь можете добавить?

- Да. Я рассказала это Эмме Григорьевне в ответ на ее слова о том, что Анна Андреевна была недовольна заинтересованностью Эммы Григорьевны в Леве. Я сказала, что, видимо, Анна Андреевна как мать боялась, что кто-то будет стараться увлечь ее юного сына (ему было тогда, по-моему, восемнадцать) и, видимо, Анна Андреевна боялась увлечения его мамой. При всей любви к Анне Андреевне мама всегда вспоминала эти ее слова с обидой. Ведь она была на восемь или десять лет старше Левы и воспринимала его как ребенка, сына Анны Андреевны. И у нее не могло быть стремления его увлечь... Обычно они приходили на Гранатный вдвоем - Лева и Мандельштам. Мама со своей сестрой Катей воспринимали эти визиты с юмором. Тогда еще никто не знал, что этим людям уготована такая страшная судьба.

- Герштейн запомнилось, что Ахматова называла Марию Сергеевну "сиреной". "Что ж она - сирена?" И этой сирене, с "напрасным и влажным блеском зрачков", так запомнившихся Мандельштаму, Эмма Григорьевна поставила клинический диагноз: истеричка.

- Возможно, Эмма Григорьевна очень тогда страдала от неразделенной любви и теперь, когда всех этих людей уже нет, она осталась одна и может беспрепятственно говорить о них, что ей вздумается - она дождалась своего часа.

- Герштейн удивляло, почему Мандельштамы привечают и интересуются Марией Сергеевной. С ее точки зрения, она могла тогда только "щебетать", то есть "в детском тоне" вести разговоры о нарядах и вечеринках, что Эмме Григорьевне казалось "тривиальным".

- Возможно, в юности мама больше интересовалась нарядами, чем впоследствии, когда я могла уже ее помнить. Что же касается отношения Мандельштамов к маме, то сама мама объясняла это бездетностью, потребностью в каком-то молодом существе.

Возможно, у Эммы Григорьевны на всю жизнь осталось чувство обиды - то, к чему она так стремилась, другим давалось легко и даже помимо их желания. Ведь у Эммы Григорьевны, видимо, было глубокое чувство к Леве.

- Об этом у нее есть отдельная глава "Лишняя любовь".

- Видимо, мама возникла совершенно некстати, и Эмма Григорьевна не смогла ей этого забыть.

- Здесь Эмма Григорьевна ставит своеобразную точку: "Напомню, что Леву "увела" я".

- Господи... Нет, видимо, мама этого просто не заметила. Лева был молоденький, совсем молодой человек, и влюбленность во взрослую замужнюю женщину - довольно частое явление. Мама не считала, что это было какое-то глубокое чувство с его стороны. А что касается Эммы Григорьевны - мама как раз говорила и с сочувствием, и с уважением, что в такое опасное время она отправляла Леве посылки. Это, конечно, был мужественный поступок.

- Арина Витальевна, расскажите о пепельнице, которая до сих пор хранится у вас дома. Она ведь тоже как-никак вошла в историю.

- Это не пепельница. Это раковина.

- Раковина?

- Раковина, которая использовалась как пепельница. Там действительно есть углубление такое темное - от пепла уже давнего... В этом качестве она использовалась именно в те годы. Потом у нас ее, видимо, сочли достаточно неудобным для этого предметом.

- Мария Сергеевна тогда уже курила?

- Она начала курить где-то в девятнадцать лет, когда училась еще на литературных курсах и была на практике в газете "Гудок". Там вся редакция курила, и она привыкла. Потом мама встречала этих людей, все они были ее старше. И все до единого уже бросили курить. А она как закурила тогда, так на всю жизнь.

- И этой раковиной-пепельницей Мария Сергеевна когда-то от Осипа Эмильевича оборонялась?

- Именно так. Она всадила ему шип в щеку, когда он пытался ее поцеловать. Пошла кровь. Еще мама рассказывала, как однажды они с Осипом Эмильевичем бродили по каким-то переулкам, в основном их встречи были такого рода. Мама говорила: "Обязательно ему хотелось, чтобы я ему сказала "ты". Я отнекивалась, потому что мне было как-то дико сказать "ты"". Но Осип Эмильевич был очень настойчив. И, устав от уговоров, мама, наконец, сказала: "Ну, ТЫ!". Он, потрясенный, отшатнулся и в ужасе воскликнул: "Нет, нет! Не надо! Я не думал, что это может звучать так страшно"...

- Ахматова говорила, Лукницкому, что она очень любила Осипа Эмильевича, но не выносила, когда тот целовал ей руку.

- Да. И у мамы было тоже такое же физическое отталкивание. Но, как я понимаю, со стороны Осипа Эмильевича это был порыв, который скоро закончился.

Что же касается книги Эммы Григорьевны, повторяю - я ее не читала. Мне что-то стали рассказывать… и я очень долго, несколько месяцев просто не могла спокойно спать… Я просыпалась и думала: что же такое ужасное случилось? Вот так бывает.

Причем как мама помогала Эмме Григорьевне! Я не помню чем, материально возможно... Хотя она сама жила очень трудно, но тем не менее при первой возможности старалась помочь, в частности, ее публикациям о Лермонтове. Считала ее серьезным исследователем, сочувственно рассказывала, что Андроников узурпировал Лермонтова и никого к нему не подпускает, и в целом относилась к ней хорошо. Хотя… она мне говорила, что у Эммы Григорьевны есть такое свойство (обычно оно бывает у женщин, у которых не совсем удачно складывалась личная жизнь) - она всех подозревает в чем-то дурном. Например, я была совершенно потрясена, когда Эмма Григорьевна как-то сказала нам: "Вот Нина (Ольшевская. - О.Ф.) и этот… (она назвала имя приятеля кого-то из "мальчиков Ардовых") - здесь дело нечисто". Странная была формулировка для такой, в сущности, интеллектуальной дамы. Пораженная, я спросила потом: "Мама, что же это такое? Как же так можно?". Она говорит: "Понимаешь, у Эммы Григорьевны дурное воображение. Ей все время кажется, что вокруг нее происходят…"

-...адюльтеры.

- При этом сама Эмма Григорьевна была оскорблена воспоминаниями Надежды Яковлевны, где говорилось, что Эмма Григорьевна "ловила мужчин". И мама была оскорблена за нее. Она говорила: "Как можно так писать о человеке?". А теперь всех этих людей уже нет, нет Анны Андреевны, которая сказала бы: "Эмма! Теперь я вам просто не могу подать руки". У нее было такое выражение. Например, интеллигентный человек антисемиту не подаст руки… Так же, как подлецу, предателю…

- Очень страшно. Создается впечатление, что вокруг Эммы Григорьевны жили какие-то больные, изломанные люди. А это были и Мандельштам, и Ахматова, и Мария Сергеевна Петровых…

- Знаете, какое-то время назад я слышала по "Эху Москвы", что книга Герштейн - лидер по популярности … И, наверное, полагается ее иметь в доме, но я не смогла бы взять ее в руки, не то что жить с этой книгой под одной крышей!

Когда вышла статья Эммы Григорьевны (которую я тоже не читала), мы говорили о ней с Никой (Н.Н. Глен. - О.Ф.), и она мне сказала: "Ариша, но, может быть, вы напишете?" Я говорю: "Но чем я могу что-то доказать? Я, в конце концов, при этом не

присутствовала…" Конечно, у меня очень слабая позиция - ведь тогда я еще даже не родилась. А сейчас Эмма Григорьевна - единственный свидетель. И многие решат, что дочь просто защищает честь матери. Но я просто достаточно хорошо знаю маму, и кроме того, на протяжении жизни мама не раз рассказывала мне о том периоде...